

Раиса оттолкнула отъ себя мужа и уткнулась лицомъ въ подушки.

— Ахъ, капризница! Послушай, Раякъ, ну хорошо; кого же ты хочешь?

Не поднимая головы, Раиса сказала:

— Никодима Павловича.

Федоръ Игнатьичъ улынулся. Онъ долго не отвѣчалъ; наконецъ, произнесъ:

— Хорошо, мы попросимъ Никодима Павловича. Но это еще не скоро будетъ, и, можетъ быть, тебѣ придетъ въ голову совсѣмъ другая комбинація. А теперь тебѣ надо соснуть. Спи, ma chère, и во всякомъ случаѣ пробудь въ постели часа два.

Онъ хотѣлъ встать; но Раиса вдругъ обернулась и, снова обнявъ его за шею, прошептала:

— Не уходи, милый, не уходи. Хорошо, я засну, но только ты сиди такъ, или вотъ что лучше: лягъ такъ.

Онъ повиновался. Она, не выпуская его изъ своихъ объятій, закрыла глаза, стала дышать все ровнѣе и ровнѣе и скоро забылась спокойнымъ, сладкимъ сномъ. Тогда онъ тихо высвободилъ свою голову изъ-подъ ея рукъ и на ципочкахъ вышелъ изъ спальни.

XXXV.

Гранковскій бывалъ иногда на карточныхъ вечерахъ у своихъ сослуживцевъ и коллегъ. На масляной недѣлѣ, возвращаясь съ завтрака отъ больничнаго эконома, онъ почувствовалъ, что ему тоже необходимо созвать къ себѣ больничныхъ врачей, если онъ не хочетъ прослыть скрягой и аристократикой. Онъ подѣлился этой мыслью съ женою, и въ субботу Гранковскіе пригласили къ себѣ гостей.

Звонки начались съ восьми часовъ. Гости входили, громко и развязно разговаривая и дымя папиросами, которыя вынимали изъ массивныхъ серебряныхъ портсигаровъ. Портсигары эти были въ модѣ въ той больницѣ, гдѣ служилъ Федоръ Игнатьичъ. Хозяинъ радушно жалъ товарищамъ руки и говорилъ имъ:

— Ну, какъ поживаете? — Или: — ну, какъ поживаете? — А къ нѣкоторымъ обращался почему-то по-нѣмецки: — Wie befinden Sie sich, коллега?

Въ залѣ и гостиной горѣли лишнія лампы и было свѣтло и нарядно. Раиса сидѣла на диванѣ въ темномъ платьѣ и вела бесѣду съ докторскими женами. Жюли сидѣла возлѣ Раисы.